

У людей под пятьдесят лицо, как мятая бумага. Ужасно неприятно. Как будто лист изо всей силы скомкали, а потом разгладили рукой. Неужели и у меня будет такое? Думать страшно. Не люблю я людей с такими лицами. Особенно теток. Они всегда пристают. Ко мне подошла одна такая старуха и спрашивает, почему я так долго сижу одна и где мои родители. Какое ей дело? Я послала ее подальше. А она на меня полицейского натравила, смотрю, он ко мне через ноги людей пробирается. Только где ему, ха-ха! Старый, толстый как бегемот. Я встала, через чьи-то сумки перешагнула и — на улицу. Подождала немного и снова в вокзал зашла, на второй этаж поднялась. Села на свободное место на диван кожаный. Рядом щекастый мальчишка спал, голова на мамашиних коленях. С другой стороны дядька с портфелем у ног в газету уткнулся. Я в телек уставилась — он высоко подвешен, голову надо задирать, чтоб экран видеть. Объявлений о вылетах здесь почти не слышать, на втором этаже те устроились, чей вылет нескоро. Мне бы куда улететь. Надоело все до чертиков. До чертиков, точно! До чертиков тошно. О, о, на экране опять целуются. О, my dear, kiss me! Ужас какой-то — во всех фильмах любовь. Будто есть она. Врут все. Вон мамаша, что рядом сидит, на своего головастика смотрит — любитесь, может, она и любит его, а года через два этот малыш в школу пойдет, двойку домой притащит, любовь тут же закончится. Будто не знаю. Запилят до смерти за двойку-то.

О, парень по телеку в любви своей герле признался. В глазках слезки. Так я ему и поверила, слезкам его. Жалко, телек высоко, канал не переключишь.

Знаем мы эту любовь. Дома мать и этот ее, мой отец так называемый, Рома, только и знают, что лаются. Орут на весь дом. Слова гадкие. Самим можно, а мне — попробуй скажи.

Сразу по роже от матери. Да еще спрашивает: «Где ты такого понабралась?» Юмористы.

Дома, наверное, уже паника. «Где она шляется, уроки не сделаны, по английскому опять двойку притащила, язык в наше время необходим, о чем думает? Смартфон опять дома забыла, зачем и купили?» То друг друга грызут, то меня. Не могут спокойно жить. Ну, до «Времени» еще ничего, не психуют, не беспокоятся, а сейчас уже фильм после новостей кончается, про какую-нибудь любовь эту глупую. Мать, ясно-понятно, на часы пялится, Вальке уже, наверное, раз десять звонила, подруге моей... Пусть поволнуется. Знаю ведь — не любит меня, чихать на меня хотела. Орет, как дикая. Почему посуду не вымыла, почему в магазин не сходила, почему замечание, почему двойка?

А черт его знает почему. Не хочу я посуду мыть. Никогда не буду. Замуж не выйду. Почему я девчонка? Не хочу быть девчонкой. Уже месяц, как не хочу. Пусть провалится эта посуда. И иголки со спицами, и вся дурацкая кулинария с микроволновками. И блендеры, и мультиварки... пусть все в пропасть валится... Я училке по труду так и сказала: не хочу я шить всякие ваши фартучки, пусть меня в мастерскую переведут, где мальчишки. А она мне пару поставила. А потом еще две. Классная и мать ругаются, уговаривают: «Что ты, фартучек сшить не можешь, вон машинка швейная без дела стоит, давай покажу где, я тебе ситчик купила, смотри, веселенький какой, почему не смотришь, посмотреть даже не хочет, видал, какая упрямая (папочке так называемому), стараешься для нее, стараешься, ни-че-го не ценит... Вот она, молодежь нынешняя!» А классная: «Ты пойми, тебе в жизни это еще как пригодится».

Несчастные существа. Как им не противно, что они женщины? Наверно, подсчетов не сделали, недодулись-недодумались.

Недавно у меня началось то, что у всех женщин бывает. И я поняла, как мир несправедливо устроен. Почему у мальчишек ничего такого? А тут мучайся каждый месяц. Когда мать мне про это растолковала, я заревела. Вылетела из комнаты. Мне даже на нее смотреть было стыдно! Я почувствовала себя грязной! Да, да, грязной свиньей, вот почему в церкви в алтарь женщин не пускают, вот почему, если у тебя это дело, ты даже на исповедь не можешь пойти. Я об этом из фильмов знала. Тупые, тупые девчонки, живут, как ни в чем не бывало, смеются по всякому поводу, хотя у всех эти дела, у меня последней начались в нашем классе.

Лучше бы вообще не начинались. Кошмар полный. А что? Помножить пять дней на двенадцать месяцев, сколько «грязных» в год получится? А это еще помножить на двадцать лет — столько-то проживу еще — сколько получится?

Разве захочешь после этого девчонкой быть?

Я сказала об этом Вальке, а она плечами пожимает: «Что сделаешь?»

Не понимаю, как можно с этим мириться. Живот болит и вообще мерзко!

А тут по телеку любовь, поцелуйчики. ...Вон мальчишка спит, он маленький, а уже лучше меня, чище, мальчишка потому что, повезло ему, а он и не знает, головастик щекастый.

И еще этот... мамашин, узнал.

Прихожу сегодня домой, у Вальки была, смотрю, папаша мой называемый, отчим Рома, напротив ванной в проходе сидит и на балалайке играет. Это он любит. Молодость вспоминает. Ходил когда-то в кружок балалаечный. Дверь в ванную открыта, а там мамаша бельем в тазу чавкает. Машина стиральная уже месяц как сломалась. А он у двери сидит-бренчит, чтоб она, значит, его музыкой наслаждалась. Нет чтоб машинку починить или мастера вызвать, бренчит струнами: трень-брень.

Помирились часа на два, понятно, поздравить надо.

— Где была? — мамаша спрашивает. — Нет, чтобы свое простирнуть, бродишь, незнамо где.

Я буркнула, что у Вальки «брожу», смотрю, а она мои трусики стирает. А на них следы, ну, несправедливости этой... мерзости этой... Протекло через крылышки-то... А он, мамашин, сидит, бренчит, и трусики тоже видит! Не слепой же!

Видит, знает обо всем, смеется надо мной, вот позорище! Я прямо как на костре оказалась!

Его вместе с балалайкой толкнула, в ванную прыгнула, трусики эти в пене все из мамашиных рук выхватила, в карман куртки впихнула, я ведь и раздеться еще не успела, на улицу вылетела.

Поздно было — к Вальке не побежишь, ну я на вокзал и поехала, трусы в урну выкинула, до сих пор куртка от них вся мокрая.

Посплю тут, что, на вокзале не спят, что ли?

Только эти, с лицом, как мятая бумага, смотрят на меня, того и гляди опять с расспросами полезут. У, ненавижу.

Сидит человек, никого не трогает — чего вязаться? Я ж не наркоманка какая-нибудь, не видно, что ли? К дядьке с газетой придвинулась — пусть думают — дочь его.

Утром в школу отсюда поеду на троллейбусе. Только потом все равно же придется домой являться, а там этот, мамашин, знает все обо мне!

А, провались все пропадом — не знаю, что делать.

А потом ко мне он подошел.

Представительный такой. В шляпе. Молодой, а в шляпе с узкими полями. Папки под мышкой ему явно не хватало, я бы точно подумала, что это представитель какой-нибудь дурацкой фирмы. Какой-нибудь фиговый дистибьютер, чудопечки продает или стиральные порошки от секты «эйвон». Он спросил:

— Грустишь? — и присел рядом.

— Нет.

— А что делаешь?

— Ничего, отстаньте.

Я вскочила и пересела на другую скамейку. Вяжутся всякие в шляпах. Дистибьютеры.

Он встал и ушел. Я думала, насовсем отстал, ну и ладушки, опасаясь я этих дураков в шляпах и без. А он походил-походил, косясь в мою сторону, и когда место рядом освободилось, снова шлепнулся рядом.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Вижу, что хочешь. У тебя глаза голодные.

— Ничего они не голодные.

Я хотела ему прямо сказать: «Чего привязался? Гони отсюда», а потом подумала, что Шляпа не грубит, даже заботится обо мне, и как-то это неприлично грубить и на

дальнюю дистанцию посылать. Как-то это ну... невежливо. И промолчала.

В следующий раз он вернулся ко мне с шоколадкой. Положил на сиденье рядом плитку «Бабаевского» и маленький сок. И ушел. Я как раз такой шоколад люблю — горький, я косилась на эту шоколадку и сдерживалась изо всех сил, чтобы ее не цапнуть. Терпела-терпела, а потом решила отломить половину. Все-таки адски хотелось есть. Мы у Вальки только чай пили с двумя ма-алюсенькими печенюшками. Начала отламывать, а она гадская как зашуршит фольгой на весь вокзал. Все на меня обернулись и стали смотреть. Я отдернула руку. Блин, шуршать шоколадка была здорова, а чтобы оторваться... фиг она оторвалась, у нее же две защиты — фольга а сверху еще бумажная шкурка. Я вскочила с места и быстро пошла к выходу. Почти побежала.

Все! Домой! что у меня, дома нет?.. а то, что про эти дела отчим узнал, — да и фиг с ним, перебьется... И я перебьюсь, только жутко грустно пропасть дней вычеркивать из жизни. Просто ужасно. Да...

Я вышла из здания аэровокзала на залитую светом фонарей улицу. Под фонарями метался клубок из сухих осенних листьев, они гонялись друг за другом, подрагивая задранными вверх хвостиками. Как игрушечные бумажные собачонки. Ветер плеснул в лицо, и я вспомнила, что на мне всего лишь одна тонкая ветровка поверх футболки, а погода стала дрянная. Похоже, что ночью вообще подморозит. В конце сентября это у нас запросто и даже в начале сентября бывает, а сегодня уже восемнадцатое, уже больше двух недель мы учились.

Я вышла из зоны фонарного света, и тут меня сразу же — ждали, да? — с двух сторон подхватили какие-то парни.

— Вы что? Отпустите! — удивленно сказала я.

Они ничего не говорили и вели меня по направлению к парковке. Что делать? Из уроков ОБЖ я знала, что нужно что есть мочи закричать. Но было ужасно стыдно кричать. Я еще ни разу в жизни не кричала. Ведь все сразу оглянутся, станут зырить... Но потому и нужно крикнуть! Чтобы все оглянулись и стали смотреть!.. И лучше всего кричать: «Пожар!», тогда все точно оглянутся, потому что все без исключения боятся пожара. Но какой, к черту, пожар осенью? На улице? Откуда он возьмется?

И я крикнула совсем по-малышовому:

— Мама!

Нет, даже так:

— МАМА!

И эти дураки меня сразу отпустили и метнулись в разные стороны. А я рванулась назад в здание вокзала.

Я больше не выйду на улицу. Ни за что! Ни за что ночью! Дождусь утра. И спать на вокзале я не смела. А вдруг эти дураки меня возьмут за руки — за ноги и отнесут в свою тачку. Скажут любопытным зевакам: а это наша подруга. Заснула. Напилась. Плохо стало. Мало ли, что они придумают. А то, может, они и взятку полицейскому сунут, чтобы тот как будто ничего не видел. И даже сам помог донести до машины неизвестную спящую девчонку.

Я успокоилась примерно через час. И мне зверски захотелось спать. Даже больше чем есть. И еще я зверски хотела домой. Ну вот надо же забыть телефон! Сколько раз говорила себе: не вытаскивай телефон из кармана. Пусть будет в куртке! Но все время в куртке его нельзя держать, из школьной раздевалки он точно пропадет. Вот поэтому и приходится перекладывать в кармашек рюкзака. А обратно перекладывать всегда забываю. Позвонила бы сейчас Вальке, и она бы пришла. На базе бы прикатила. И вместе мы бы пошли домой. Вдвоем не страшно. В крайнем случае, я и маме бы позвонила. А что я завтра матери скажу? Где я была? Разве она поверит, что я просто на вокзале сидела? Да, как же! А про парней этих я разве сумею рассказать? Ведь это стыдно, что меня хотели, как дурочку малахольную, куда-то увезти. Куда-то для своего развлечения, не моего же. Странно, что есть люди, которые развлекаются тем, что делают другим плохо. Или даже больно. Они глядят, как кто-то мучается, и наслаждаются... Кажется они называются

садистами. И вот меня, наверное, садисты и хотели к себе заполнить.

И вдруг мой взгляд уперся в ту же шоколадку. Она лежала на том же самом сиденье. Мои глаза словно приклеились к этому месту. Вообще отказывались смотреть на что-либо другое. Я приказывала себе — не смотри, отводила их в сторону, но они независимо от меня возвращались к этой дурацкой надломленной внутри плитке. Я сама не могу объяснить, как я подошла к этому месту и схватила эту расколотую в фольге, но совершенно целую по виду шоколадку. Чудо — я увидела, что и сок в маленькой пачке лежит тут же, рядом. Я схватила и сок тоже. Оглянулась. Люди спали, сидя на своих местах, и только один дяденька видел, как я схватила то и другое.

Он смотрел на меня, чуть-чуть усмехаясь. Он подумал, что я взяла чужое — ведь я сидела от этого места, где шоколадка, не близко — напротив и чуть наискосок. Дяденька был уже не очень молодой, с лицом «мятая бумага», но все-таки он мне понравился, потому что усмешка у него была добрая. Его взгляд говорил: я знаю, ты берешь не свое, но бери, бери, я вижу, тебе нужно. И он даже закрыл глаза, чтобы я не смущалась. Дяденька ведь не знал, что эта шоколадка предназначалась мне.

Но именно то, что она предназначалась мне, и что купил ее Шляпа, мешало мне впиться в нее зубами тут же. А вдруг они все еще сидят где-нибудь за углом и за мной наблюдают исподтишка. И уж если я съела что-то «их», значит, я им же и принадлежу по какому-то дурацкому неписанному закону. Валька рассказывала: если ты идешь с мужиком в ресторан и если поела то, что он заказал, все. Можешь не сомневаться, он потащит тебя в постельку, и ты уже не имеешь права сопротивляться, так как поела его еды. Он за тебя заплатил.

Поэтому я опасалась есть эту шоколадку сразу. Я поглядывалась по сторонам. Вроде бы никто за мной не наблюдал. Дяденька спит или притворяется. Он хороший. Но садисты ушли. Они поняли, что не на такую дурочку попали. И ушли. Все же надо было быть осторожней. И я, схватив добычу, рванула в туалет, чтобы никто меня не видел с этой ставшей уже чужой шоколадкой.

Я вошла в кабинку, кинув туалетной тетеньке десять рублей. Это весь капитал, который у меня был. На него ведь не купишь шоколадку и сок. Не купишь чай, кусочек хлеба. Это аэровокзал, здесь поднебесные цены. Я торопливо разорвала обертку, фольгу и впиалась в плитку. Я пожирала

шоколад. Пожирала! Даже не знала, что можно так хотеть есть! Вот бедные те, кто голод испытывает! В Африке там или бомжи... Я сунула в коробочку сока трубочку, разлила половину от нетерпения и вытянула все за секунду. И мне было плевать, что я завтракаю (или ужинаю?) в кабинке туалета! Да! Плевать!

Я вышла из туалета в зал ожидания, села на свободное место и закрыла глаза. Поужинала, можно покемарить чуть-чуть...

Открыв глаза, я увидела, что вокзал полон людьми. Утро. У нас в городе ночные рейсы запрещены, потому что аэропорт находится близко от города, почти рядом с жилыми домами. Полеты начинаются в семь. Пассажиры стояли в очереди к стойкам регистрации в Москву, Петербург, Пермь. А потом начались объявления об отменах рейсов из-за неблагоприятных погодных условий.

Я вышла в погодные условия. Был жуткий морозный туман. Около фонарей образовались кружки, как шевелюры у красивых седых стариков. Или как у одуванчиков. Эдакие высокие одуванчики стояли вдоль улицы и по периметру парковки.

Чувство голода у меня после шоколадки и сока притупилось, во рту было даже чересчур сладко.

Куда идти? Утро, и не страшно в любую сторону. Ходят люди по своим делам, подкатывают машины, дворники скребут что-то на асфальте, хотя снега еще никакого нет. Нельзя же скрести туман. Соскрести его в кучу, в тучу, в настроение.

Туманное настроение. Вот что у меня было. Эдакий тугой туманный клубок образовался внутри меня. В тумане настроения я совсем растерялась. Куда двинуть? В школу рано. Домой... домой было поздно... я боялась идти домой, боялась скандала и выволочки. Мама распустит руки, как пить дать, распустит...

Поплелась в школу, а то холодно было жутко. Я прямо вся перекрутилась от холода, казалось, что плечи мои поменялись местами... Школу уже, конечно, открыли. Учителя, а тем более технички, приходят в школу раньше, чем мы. Уроки через час. Подожду там, в тепле. Постою в коридоре у подоконника. Меня оттуда не выгонят. И главное — никто не похитит.

Первым уроком была геометрия.

— Трофимова, ты почему в верхней одежде? — математичка уставилась на меня, как будто я сидела не в ветровке, а в ночной пижаме.

Я без слов сняла ветровку и повесила ее сзади себя на спинку стула.

— Вот тебе на! — снова удивилась Власа Григорьевна. — А почему в футболке?

— У нас сегодня физкультура, — буркнула я себе под нос. Ничего, она услышит, она ко мне почти вплотную приблизилась своим большим животом.

— Но кроме физкультуры есть ведь и другие уроки.

— Это не футболка, это — T-shirt, — сказали за моей спиной тихим басом.

Соколовский. Новенький. Почему-то он меня защищает, хотя его никто об этом не просит. Когда мы играли в школьном дворе в картошку и меня сильно ударил мячом Крупов, он сказал, что вышибет из него мозги, если он еще раз повторит.

— Что? — спросила сейчас Власа Григорьевна.

— Вам перевести с английского? — спросил Соколовский.

— Будь добр, переведи.

— Это рубашка в форме буквы «Т». А не футболка.

— А сейчас я переведу тебе с русского на русский, — Власа Григорьевна подошла к доске, положила указку, которую держала в руках, в желобок, сложила руки перед собой и язвительно-четко произнесла: — Итак. С русского на русский. Рубашка в форме буквы «Т» — это и есть футболка, которая приличнее всего на уроке физической культуры, в спортивном зале, а не в классе, где все одеты прилично. Всем понятно?

Класс молчал. Себе дороже — с учителями спорить. Да математичка ведь и права. Я в обычной затрапезной футболке. Я ношу ее дома со старыми джинсами. Кстати, именно они сейчас и были на мне.

Власа начала урок, неодобрительно поглядывая на меня еще некоторое время, затем уткнулась в классный журнал. Я опасалась, что доказывать теорему она вызовет меня: захочет добить, чтобы все полюбовались на мою красную футболку с надписью: «всё врут», особенно девчонки, особенно Ветрова Юлька, наша законодательница мод. Я приготовилась, если меня вызовут к доске, не смотреть в сторону Ветровой, а в случае, если взглянется, соорудить ей навстречу высокомерную рожу. Но Власа вызвала к доске Федьку Черезова.

Власа хочет, чтобы было попрличнее? Хорошо! Приличнее, так приличнее. Ветровка точно попрличнее, по крайней мере на ней ничего не написано. Я повернулась назад, наткнувшись взглядом на Сережку Соколовского, сдернула со спинки стула ветровку и натянула ее на себя, наглухо застегнув до самого подбородка. В этот раз Власа не стала комментировать, она просто буравила меня упорным взглядом, в то время как Федор рисовал на доске чертеж.

А потом я подумала, что и другие учителя весь день будут вязаться ко мне то ли с ветровкой, то ли с футболкой, каждому надо будет что-то объяснять, не будет же это без конца Соколовский делать, очень ему нужно, ага... И вообще, я зверски хочу спать.

Я встала и, гордо подняв голову, скользнув взглядом почему по Ветровой, направилась к дверям.

— Может, хотя бы «до свиданья» скажешь? — опять влезла Власа. Она сначала сделала удивленную паузу, глядя, как я направляюсь к выходу, а потом ехидно спросила.

— Век бы вас не видеть, — процедила я сквозь зубы.

— Что ты сказала?

Я хлопнула дверью.

Она молодая, училка эта с чудным именем. Из поколения тех молодых, которых родители называли старинными именами. Мы тоже из этого поколения. У нас в классе нет Тань и Зин, как в мамином классе (она рассказывала), Нин и Галь. У нас две Даши, две Арины, Ульяна, Серафима, Анна (две), Настя, ну и так далее. И только одна Валька. Она рассказывала, что у ее мамы были трудные роды, и она поклялась, если девочка выживет, назвать ее именем акушерки. Потому Валька — Валька. У моей подруги редкое

имя. Имя Власа тоже не прижилось в народе, в отличие от имен Дарья или Ульяна. Наша Власа одна на весь город или даже на всю область, а может, и на всю страну. Может, потому она такая вредная, вреднее всех других учителей, молодых и старых. Мы ее промеж собой Власой-Дурасой зовем. Она полная, лицо ничего, симпатичное, но это ее не спасает. Лучше пусть лицо некрасивое, но сам человек добрый. Не знаю, как это для самого человека, но другим такой расклад больше по душе.

На уроке на меня неодобрительно косилась Валька. Мы сидим за одной партой. Да что там неодобрительно! Она смотрела на меня зло и недоброжелательно, почти как математичка. Возмущение так и выплескивалось из ее синих глаз. На уроке она дождалась удобного момента и показала мне кулак. Ничего себе! Я состроила вопросительную гримасу навстречу ее взгляду, пожала плечами. Чего она? Я ничего плохого подруге не делала! Мы вчера вечером интересненько поболтали, и после нее я отправилась домой, а уж потом убежала в аэропорт с мокрыми трусами в кармане куртки.

Конечно, Валька не по поводу футболки возмущалась, будет она придавать значение каким-то пустякам. Она сама в футболке может в школу пришлепать. Я Вальку знаю, она моя самая лучшая подруга!

В школу она явилась со звонком, и мы не смогли перед уроком пообщаться. Математичка вошла за ней следом, буквально втолкнув Вальку в класс. Так Власа-Дураса на урок спешила! Ну конечно, надо же успеть двоек побольше наставить или настроение кому-то испортить! Но пока Власа прихорашивалась, поправляла волосы, открывала журнал, Валька успела нажать на телефоне какой-то номер и, наклонившись под партой, кому-то что-то сообщить. Я не слышала, что она говорила, она прямо-таки прошелестела голосом. У нас на уроках на телефоны табу, и если учитель увидит сотик в чьих-то руках, он его забирает и отдает только родителям. Поэтому мы показывать телефоны опасаемся. Но Валька рискнула кому-то позвонить. И уже после этого показала кулак! Я скорчила в ответ непонимающую рожу.

Домой я шла с бьющимся сердцем. Что сейчас будет! Я была готова к любой выволочке. Пусть. Да и сколько можно ее оттягивать? И вообще, взбучку я заслужила.

Когда я открыла дверь своим ключом, в квартире стояла тишина. Я осторожно приоткрыла дверь спальни матери и отчима.

Мама спала на боку, подобравшись в комочек. Ноги укрыла шалью. Светлые волосы закрывали щеку и плечо.

Ха! Мама спала! Спокойненько так. Сном праведного младенца. И вовсе она не ждала меня! Не переживала! Ни капельки!

Я не хотела скандала и боялась его. Но теперь мне показалось — лучше бы скандал, тогда бы я знала, что меня любят и за меня беспокоятся, чем такое равнодушие. Представьте себе, она спит! А дочь неизвестно где и, может, вообще уже неживая! А что? Разве так не могло быть? А если бы меня все же сунули в свою тачку мужики эти? Они бы меня не в «Детский мир» повезли куклу выбирать, можно догадаться.

Спит. Ручка под щечкой. Не беспокоится...

Ну и пусть. Ну и не надо. Начхать.

Какое счастье — рухнуть на свой диван.

Но буквально через пять минут в кармашке школьного рюкзака запел телефон. Я не взяла трубку. Просто не встала. Кто бы ни звонил — подождите, немножко посплю, хотя бы полчаса, ладно?

Я слышала сквозь сон, как проснулась мама, как она возилась на кухне, ставила чайник, звенела чайной ложечкой в чашке.

Мама меня все-таки жалела — не будила. Может, она все-таки немножко беспокоилась, где же я есть? Решила из жалости меня не будить, а узнать, что случилось и где я гуляла ночью, когда проснусь. Или ей все фиолетово?

После уроков нагрянула Валька. Подруга не будет сидеть где-нибудь в уголке и ждать, пока я дрыхну. Валька не тихоня, не скромница. Она нормальная. Бесцеремонно ворвалась в комнату.

— Леська! Просыпайся давай! — прошипела в самое ухо. И еще за плечо потрясла. Зверски так.

Злая-презлая.

Я сразу пришла в себя и села на диване.

— Ой, привет! Привет, Валь! — так приятно было видеть эту милую родную морду рядом с собой. Она и злая была мне мила.

— Привет, подруга! Ну, ты даешь! — Валька смотрела на меня с возмущением.

— А что я даю?

— Телефон не берешь! Шляешься ночью! Утром приходишь в школу, даже не сообщив домой, что с тобой все в порядке! Это как называется, а?

— Я боялась домой.

— А ты не боялась, что мать инфаркт схватит?

— Инфаркт! — я усмехнулась. — Валь, когда я пришла, она преспокойно спала. Сном праведного младенца.

— Конечно спала, если ночью не спала. Я ей утром позвонила, когда увидела, что ты в классе, здоровая и невредимая, она, наверное, сразу и легла.

Так вот кому она звонила на геометрии!

— А! Понятно.

Я сконфузилась и заткнулась. Какая же я все-таки гадина, думаю про маму плохо.

А как же Валька попала в квартиру, если мать ушла?

И тут же открылась дверь и на пороге возникла мамочка. Волосы она собрала в хвост, губы подкрасила и глаза. Она у меня красотка. Я бы тоже хотела быть такой. Если крашу губы — может, буду такая? Но мне этого не разрешают.

— Спасибо, Валюша, за утренний звонок. Эта тварь разве подумает о матери? — мамаша на меня не смотрела. Игнорировала. Она всегда так. Когда злится — не смотрит на меня, как будто меня вообще нет. Так она пробуждает во мне совесть.

Я поморщилась на слово «тварь». Ну что, все как надо, как полагается. Никаких неожиданностей. Ладно, переживу. В первый раз, что ли?

Нет, все же взглянула! Вот спасибо-то!

— Слава богу, Леся, ты жива и здорова. Ночью никто не спал, мы звонили в полицию. Я сейчас иду на работу и зайду

туда, скажу, что ты нашлась. Вечером мы поговорим. Но ты знай, дочурка, если ты принесешь в подоле чурку — выставлю за дверь обеих.

И ушла, хлопнув сначала моей дверью, потом — входной в квартиру.

Интересно у нее получилось: дочурка — чурку. Почти в рифму. Я рассмеялась. И как это она устояла перед желанием устроить скандал прямо сейчас же? Наверное, трепка предстоит вечером, когда ее разлюбезный муж Рома будет стоять рядом и поддакивать. А сейчас она Вальки постеснялась.

Хорошо, что мать ушла и мы с Валькой остались одни.

— А ты, Валь? Ты волновалась? Ты представляешь, я трубу дома забыла.

— А как ты думаешь — волновалась я или нет? А? — Валька по-прежнему была возмущена до предела. У нее был такой вид, словно она хотела меня чем-нибудь ударить.

— Да.

— Вот именно. Лупить тебя надо, как сидорову козу.

Я улыбнулась. Хорошо, что у меня есть Валька.

И чего я спрашиваю, беспокоилась она или нет? Как будто не знаю! Да если бы она исчезла на целую ночь, я бы вообще всю ночь не спала, а рыскала бы по городу, как ищейка. Мы — друзья до гроба и уже давно, класса со второго.

— Держи, это тебе! Хоть ты и не заслуживаешь, по-моему!

Валька бросила на диван рядом со мной плитку шоколада. Я взглянула, и меня чуть не вырвало: она была точно такая же, как та! Да! Как будто никакого шоколада в городе, кроме этого, больше не продавалось. Я сразу вспомнила Шляпу и то, как я, давась, лопала такую же плитку в туалетной кабинке.

— Убери ее, Валька, — прошипела я, с ненавистью глядя на плитку «Бабаевского» с миндалем, — быстрее убери! Ну!

— Ты что? — Валька смотрела на меня, расширив глаза. В них было уже не возмущение, а испуг.

Она знала, что шоколад я люблю. Очень! Мы иногда вместе трескали плитку — покупали, если были деньги, и за секунду съедали вдвоем.

Я открыла двери на балкон и швырнула шоколад с пятого этажа.

— Совсем свихнулась, — решила Валька и покрутила пальцем у виска. — Но я прощу, — она сделала паузу, — если ты расскажешь, где ты была и что делала ночью.

— Тебе — конечно! — сказала я, и поплотнее закрыла дверь в комнату, хотя в квартире уже никого не было, и я это знала.

Валька слушала меня, ни разу не перебив.

Она сидела на велотренажере, который мне купили год назад для того, чтобы я хоть как-то занималась физически, раз не хожу (не хочу) в никакие фитнес-залы. Но чаще, чем я, на тренажер садилась мама или отчим. А я — почти никогда. Вот сейчас Валька сидела на седле, ноги поставила на педали. Сначала она их крутила, но потом перестала, заслушавшись.

— Да-а уж, впечатляет, — произнесла она, после того как я замолчала. — Приключение еще то!..

— Больше не хочу таких приключений, — закончила я, вспомнив, как меня подхватили под руки и повели в машину незнакомые люди.

Меня передернуло от воспоминаний.

— Нашла из-за чего убегать из дома, — сказала Валька с укором. — Подумаешь — месячные! Никто из-за этого вообще не расстраивается.

— Да? Не расстраивается? Значит, не догадались сделать подсчетов. А я тебе скажу. Знаешь, сколько дней в жизни занимает эта фигня?

— Догадались, догадались. Не надо мне говорить. И что? С природой разве поспоришь? Так нужно! Кстати, тебе известно о том, что у кого их нет, тот не может родить? Ты что, согласна прожить жизнь без детей?

— Детей! У меня не будет детей!

— Как так?

— Я не хочу замуж. Я терпеть не могу парней этих и мужиков.

Я снова вспомнила, как два парня подхватили меня с двух сторон и вели, как барашка на заклание. Среди событий вчерашней ночи это было страшнее всего, поэтому и лезло бесконечно в башку.

— Я ненавижу их! — процедила сквозь зубы. Тряхнула головой и повторила с еще большей уверенностью: — Ненавижу! Валь, я как вспомню, как эти... вели меня, так мороз по коже.

— Я представляю. Я бы тоже перепугалась. Молодец, что закричать посмела.

— А что мне оставалось делать?

— Говоришь, ненавидишь парней. Всех? — Валька посмотрела на меня с хитрой ухмылкой. — Даже Соколовского?

— А что Соколовский? Чем он лучше других?

— Ну... он так на тебя смотрит.

— Да пусть хоть как, мне что...

— И сегодня он тебя защитил перед Дурасой.

— Защитил... — я скривила рожу, вспомнив как позорила меня Власа-Дураса на уроке геометрии. — Лучше бы не защищал. Только хуже стало.

— Да эта Власа вообще уж. Подумаешь, футболка... я летом вообще из футболок не вылезую, — Валька снова закрутила педали.

— Просто она сама их не носит, вот и издевается.

— Ага, на ее бюст футболку... восьмидесятый размер надо покупать. Дура толстая.

— Валь, как здорово, что ты пришла. Спасибо! Вечером бы еще скандал пережить.

— Да не за что, Леська. Кстати, Соколовский расстроился, что ты ушла.

— Да ну его, Валь, зачем ты мне про него говоришь? Самой, наверно, Сережка нравится.

— Ну, если честно — он красивый. Очень.

Соколовский пришел к нам в этом году. Высокий, волосы черные. Родинка на щеке. Как будто ее спичкой нарисовали, яркая такая. Глаза светлые. Вообще-то он правда симпатяга. Спокойный. Я с ним так познакомилась: покупала арбуз. Выбираешь дохлый, сушеный хвостик, щелкаешь пузана по боку, чтобы звук получился звонкий, платишь денежку и — вперед. Я заплатила продавцу-мужчине сто тридцать рублей, подхватила арбуз, как свой здоровенный живот, и поплелась домой. Вот так, наверное, ходят беременные, подумала я, обхватив арбуз обеими руками. Я переусердствовала — арбуз надо было брать поменьше. Тяжело было здорово, и я вдруг беременных пожалела. Бедные! Я принесу арбуз, на стол его шмяк, и мне снова легко. А беременная женщина девять месяцев мучается. У нее еще и побольше «арбуз» бывает. Ребенок-то там, в животе, сколько весит? Да он ведь там не просто так, а в воде болтается. Интересно! Такой пузан в невесомости плавает! Я тоже так плавала, жаль, что не помню. Это, наверное, классно! Как в космосе! А сколько бэби весит вместе с водой? И она, мать, его носит, и носит, и носит! Все девять месяцев! Все время с собой, никуда не положишь, не отдохнешь! Представляю, как трудно!

Неужели и мне такое предстоит? Бр-р, не хочу. Не хочу! Не хочу! Ребенка я конечно хочу — в свое время, я Вальке просто так сказала, что мне не нужно детей, — а бремени не хочу. О, вот откуда слово! Бремени — беременная. Как все просто, оказывается!

Ну вот, я несла арбуз, размышляя о нелегкой судьбе беременных. А Соколовский стоял на углу со своим байком. Мотоцикл между ног, шлем, краги — готовенький. Секунда, и он рванет по мостовой.

А тут я со своим арбузом. Он сначала овощ (ягоду — как там правильно?) — увидел, потом глаза на меня перевёл.

— Ничё себе, — сказал, — такие тяжести таскаешь. Рожать ведь не будешь.

И этот про то же! Про беременность, роды... Неприятно все это. Особенно неприятно, когда об этом парень.

Я покраснела. Парень был мне знаком, но так, слегка, он приходил в школу документы относить или расписание посмотреть — не знаю, но мы у стенда с расписанием увиделись. Я поняла, что это новенький, он наш класс смотрел, ну, наши уроки. И он понял, что я из его нового класса, я пальцем по нашим урокам водила и Вальке расписание диктовала, а она записывала в крошечный блокнотик.

— Не твое дело, — ответила я сейчас.

— А может, мое?

— Ха. Катись своей дорогой, — чтобы показаться не особенно грубой, я кивнула на гладкий, отремонтированный этим летом тротуар. Асфальт на нем был черный, как черная икра, и даже немножко блестел. (Баночку икры однажды приносил отчим Рома — вкуснотища!) Катись, мол, на своем байке по черной икре.

— Давай вместе покатаем, я тебя довезу до дому на коне своем.

Он нажал кнопку на щитке управления, и на багажнике из каких-то железок с лязгом поднялась корзина для моего арбуза. Автоматика — классно! Сам, наверное, соорудил. Изобретатель! Кулибин!

Только я все равно не согласилась и гордо прошествовала мимо всадника на байке. Хотя чего бы мне стоило — положить овощ-фрукт-ягоду в эту металлическую штукенцию, сесть сзади Соколовского и с комфортом домчать до дома. А из-за своего гонора или гордости — не знаю, как правильно назвать мой каприз, пришлось лезть в автобус. Чуть не разбила эту громадную ягодину, домой еле припёрлась.

Правда, не зря мучилась. Арбуз был чудный, сладкий-пресладкий.

Первого сентября Соколовский сел за парту позади меня. Не знаю, чего он... Прямо за моей спиной дышал. И мы вместе стали ходить в буфет. Не я с ним. А он — со мной. Становился за мной в очереди. Как будто в классе — за мной сидит, за мной стоит, та же комбинация. Я как-то спросила, чего он ко мне прилепился. А он ответил, что это ненарочно, просто так получается. Просто мы с одной скоростью скачем в буфет. А потом я стала замечать, что он на меня смотрит.

Вызовут его к доске, он отвечает, а сам на меня зырит. Даже смешно. Валька меня локтем толкала и шептала:

— Смотри — смотрит!

Я плечами пожимала. Мне-то что? Пусть смотрит, если ему хочется. Как я ему запрещу? А он как будто мне урок докладывает, а не учителю. Смешно даже.

— Садитесь, пять, — однажды в шутку пробурчала я. Кстати, это тоже было на геометрии.

— Что ты сказала, Леся? — не расслышала Власа Григорьевна.

— Ничего.

— Мне показалось, что ты Соколовскому пятерку поставила.

— Угу.

— А я вот с тобой не согласна. Он плохо ответил. На тройку.

Я снова плечами пожала. На тройку... ну хоть бы четверку поставила. Старался же парень...

Власа-Дураса у нас слишком уж строгая.

Сергей Соколовский. Имя и фамилия классные. Парни его сразу Соколом прозвали. И прозвище ему тоже подходит. Челка на левый глаз свисает, он ее рукой убирает поминутно. Лучше бы постригся. Глаза — люблю такие — зеленые. Щеки немножко впалые. На носу маленькая горбинка. И родинка — как у девчонки...

— Валь, что такое чурка?

— Чурка — незаконнорожденный ребенок, — засмеялась подруга, крутя педали велотренажера. — А ты не знала?

— Ну вообще-то знала, — не хотелось признаваться в своей невежественности. — Но почему — чурка? Чурками же мы этих, гастарбайтеров называем.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru